

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

М. Э. Дубровина

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН В ТУРЕЦКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследуя материалы якутского языка, автор натолкнулась на интересное явление. В якутском языке существует форма -ар, которую специалисты традиционно именуют причастной, однако в действительности она ведет себя скорее не как причастная, а как некая полифункциональная глагольно-именная форма, способная представлять действие и в качестве предмета, и в качестве признака. В отечественной тюркологии некоторые исследователи именуют такие формы субстантивно-адъективными (САФ) [1, с. 93, 100–103; 2, с. 41–43].

При сравнении употреблений якутской формы -ар с функциями глагольно-именных форм современного турецкого языка удается обнаружить сходство этой формы не только с турецкими САФ (-dik, -yacak), но также с причастиями (-yan, -ar) и масдарами (-mak, -ma). Другими словами, эта форма якутского языка сочетает в своем значении функции трех категорий турецкого языка: причастий, САФ и масдаров.

Прежде чем перейти к конкретному материалу якутского языка, представляется необходимым эксплицировать позицию автора в отношении трактовки понятий причастие, масдар (имя действия), субстантивно-адъективная форма (САФ). Вслед за сторонниками концепции о номинализации действия [3–6], автор считает, что рассматриваемые формы служат окказиональному (т.е. при возникновении коммуникативной необходимости) представлению исходного действия в образах классифицирующих значений имени существительного и имени прилагательного.

Под **причастием** автор статьи понимает такую глагольную форму, функцией которой является представление действия в виде *признака* предмета [4, с. 120; 6, с. 81]. По справедливым словам М. Ш. Маматова, сущностной характеристикой причастий является коммуникативное предназначение выражать действие, представленное как признак [2, с. 46].

Причастия, как и прилагательные, могут окказионально субстантивироваться и в таком виде выражать предмет — носитель признака. Однако причастия не имеют субстантивной функции, они не могут передавать информацию о *факте совершения*

действия, но имеют в своем значении некую временную сему, которая позволяет соотносить выражаемое основной действие с периодом времени протекания этого действия. В турецком языке обнаруживается три формы причастий: форма с показателем *-уан*, форма с показателем *-mış*, форма с показателем *-ar*. Интересно, что последняя явно генетически восходит к древней тюркской форме с аналогичным аффиксом, возможно даже родственной якутской форме *-ар*. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что современная турецкая форма *-ar* в инфинитной позиции способна вести себя *только как глагольный атрибутив*, т. е. как чистое причастие.

Muzaffer...herkesi hoşnut etmeğe **çalış+ır** bir adamdı [6, с. 87]. 'Музаффер был человеком, **который старался** всех радовать' (букв. 'стараящимся всех радовать').

Имена действия (масдары) — это такие глагольные формы, которые специализируются только на субстантивном изображении действия. Вследствие этого некоторые тюркологи называли такие тюркские формы *глагольными субстантивами* [7]. Имена действия в турецком языке специализируются на представлении действия в некоем предметном образе. В русском языке подобная семантика выражается словосочетаниями типа 'то, что кто-то делает'. Чаще всего в таком случае происходит передача информации о *факте совершения действия*. Имена действия лишены временной семы, им «не нужно» соотносить действие с каким-то определенным временным периодом, для них важно только сообщить о том, что «опредмеченное»¹ действие совершается, указать на определенного производителя этого действия, а также, возможно, на манеру исполнения действия и только. В турецком языке категорию имен действий (масдаров) составляют три продуктивные формы: *-mak*, *-ma*, *-уış*.

Yaşa+mak güzel bir şeydir kardeşim [6, с. 44]. 'Жить это прекрасно, брат мой!'

Bu kadar **içmeni** istemiyorum (Информант). 'Я не хочу, чтобы ты столько пил' (букв. *иç+me+n*(прин. 2 л.)+*i*(вин. п.) 'твоего «пития»').

...ilkbahara doğru dairelerden sokağa **çıkışımı** söylüyordum [6, с. 56]. 'Я говорил о том, что ближе к весне я **выходил** из учреждений на улицу' (*çık+ıış+ım*(прин. 1 л.)+*i*(вин. п.) (букв. 'о моем «выхождении»').

Субстантивно-адъективные формы (САФ) сочетают в своем значении как атрибутивную функцию, так и субстантивную [4, с. 60–62], в связи с чем можно сказать, что это *бифункциональные* формы. Они не только способны представлять действие как некий признак предмета, но и передавать действие в субстантивном виде, т. е. с помощью этих форм носитель может выразить информацию о факте совершения действия как в высказывании типа: 'то, что ты говоришь, очень интересно'.

В синхронии современных языков эти глагольные формы имеют уже собственную специализацию, отличающую их и от причастий, и от масдаров. В качестве *атрибута* САФ нейтральны к выражению информации о производителе исходного действия, которая может быть передана с помощью дополнительного грамматического средства — личного аффикса принадлежности. Как известно, причастиям это не свойственно, так как информация о производителе действия чаще всего заложена в значении самих тюркских причастий образца турецких — агенс это определяемый предмет. В качестве

¹ Термин «опредмеченный», а также глагол «опредмечивать» использовали еще классики отечественного языкознания [8, с. 142; 9, с. 172].

субстантивов САФ, в отличие от масдаров, еще сохраняют способность соотносить действие с временным периодом. На наш взгляд, тюркские масдары «отбрасывают» временную характеристику как коммуникативно неважную, в субстантивной функции масдары передают более общее действие, «действие вообще». САФ же представляют в предметном образе очень конкретное действие, поэтому оно непременно должно быть соотнесено с определенным моментом времени. В современном турецком языке можно выделить две продуктивные формы САФ: с аффиксом *-dik* и с аффиксом *-yacak*.

Рассмотрим примеры употребления формы с показателем *-dik*.

В атрибутивной функции: *Ona geçen akşam rasladığımı anlattım* [6, с. 69]. 'Я рассказал о том, что вчера вечером случайно его встретил' (букв. *Rasla+diğ+ım* (прин. 1 л.)+1(вин. п.) 'мое «встречание»').

В субстантивной функции: *Kendi yaptığımız anayasayı özkendimiz bozmakta ve çiğnemekteyiz.* [6, с. 70]. 'Мы нарушаем и попираем конституцию, которую мы сами же и создали' (*yap+tiğ+ımız* (прин. 1 л. мн. ч.) 'которую создали мы').

Если в современном турецком языке можно наблюдать завершение процесса семантического и функционального разделения глагольно-именных форм на разные категории: категорию причастий, категорию имен действия и категорию специфических бифункциональных форм — САФ, то в якутском языке дело, как представляется, обстоит иначе. Анализ фактов некоторых других тюркских языков позволил автору настоящей статьи предположить, что тюркские морфологические формы в диахронии могли возникать и развиваться по некоему единому принципу. Сущность его заключается в следующем: в более древний период формируется некая одна форма, которая имеет необычайно широкий набор контекстуальных смыслов (индоевропейцу они кажутся не сочетающимися между собой и не могущими относиться к одной форме). Затем, на более позднем этапе истории языка при необходимости могут возникать новые формы, которые берут на себя некоторые из смыслов полифункциональной формы, становясь тем самым более узкоспециализированными морфологическими средствами.

Касательно исследуемых глагольно-именных форм возникает аналогичное предположение. По мнению автора статьи, в более ранний исторический период пратюркского языка сформировалась *одна общая глагольная форма*, морфологическое значение которой было настолько обтекаемо и общо, что в речи она могла выступать как в качестве глагольных атрибутов, так и в качестве глагольных субстантивов (например, форма, которая была бы аналогична английскому герундию). Причем в отличие от современных турецких САФ (которые, как было показано выше, и на современном этапе языка имеют две функции) такая *древняя форма* в атрибутивной функции явно не имела значения агенса, а в субстантивной функции могла указывать на временные отношения или игнорировать их.

В качестве доказательства высказанного предположения могут выступить глагольные формы якутского языка. Якутский язык, рано отделившись от основной массы тюркских языков [10, с. 44], оказался, очевидно, в изолированном от тюркского влияния положении, вследствие чего сохранил в своем устройстве архаичные черты, присущие тюркским языкам древнейшего, еще дорунического² периода. Это обстоятельство позволяет привлекать материал якутского языка при построении разного рода гипотез

² Первые письменные тюркские тексты, написанные руническим письмом, относятся к VI–VII вв.

относительно исторического развития морфологических форм современных тюркских языков. Так, в якутском языке XIX в., который исследовал О. Н. Бётлингк, форма с показателем -ар действительно представляла собой *некое глагольное имя* с широкими функциями: она могла выступать и как причастие в узком смысле, и как САФ, и как масдар, подтверждая тем самым обоснованность высказанной выше гипотезы.

Употребление формы -ар в якутском языке

I. В атрибутивной функции

1) в качестве определения (с агентивным значением) (функционально тождественна причастию турецкого языка):

Аттыгар **олор+ор** киһиэхэ эт 'рядом **сидящему** человеку скажи' [10, с. 401]. Ср. **турец.**: **Otur+an** kişi 'сидящий человек'.

Утуй+ар киһи 'спящий человек' [11, с. 186]. Ср. **турец.**: **Uyu+yan** kişi 'спящий человек'.

2) в качестве определения (без агентивного значения) (функционально тождественна САФ турецкого языка):

Эдьигэнтэн **аттан+ар** күммэр 'в день моего отъезда из Жиганска' (досл. 'из Жиганска «отъезжающий» день+мой+в') [10, с. 40]. Ср. **турец.**: **Çıgansk'tan ayırıl+dığ+ım** (прин. 1 л.) **günde** 'в день моего отъезда из Жиганска'.

Утуй+ар таһас 'спальные принадлежности' (досл. '«спящая» одежда') [11, с. 182].

Сан+ыыр сана 'мысль, которую думают' (досл. '«думающая» мысль') [11, с. 182].

Өл+өр ыалдьар 'смертельная болезнь' (досл. '«умирающая» болезнь') [11, с. 182].

Важно обратить внимание на то, что в турецком языке некоторые из приведенных якутских примеров также будут переведены с использованием причастий, но в этом случае турецкие причастия будут образованы от основы страдательного глагола, тогда как в якутском языке страдательная форма не требуется.

3) в качестве определения (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Бар+ар кэм кэллэ [10, с. 401]. 'Пришло время уезжать' (досл. '«**уезжающее**» время пришло' или '«**уезжания**» время пришло'). Ср. **турец.**: **Çıkma zamanı geldi** 'Пришло время уезжать'.

II. В субстантивной функции

Когда форма -ар употребляется в субстантивной функции, можно было бы предположить, что в этих случаях она сближается исключительно с турецким САФ, т.е. с такой формой, которая «опредмечивает» действия, параллельно выражая также и временную характеристику. Однако еще О. Н. Бётлингк указывал на то, что форма с показателем -ар «употребляется не только когда речь идет о действии, происходящем в настоящий момент, но и тогда, когда действие мыслится как имеющее место или могущее иметь место в *любое время или же как повторяющееся многократно или продолжающееся в течение длительного времени* (курсив мой. — М. Д.)» [10, с. 400]. Нетрудно увидеть, что подобная формулировка скорее подходит под определение форм масдаров. Но при этом с помощью той же формы возможно передавать и те смыслы, кото-

рые явно указывают на конкретный временной период совершения «опредмеченного» действия, что в современном турецком языке выполняют САФ (формы -dik / -yacak).

1) в роли подлежащего (функционально тождественна САФ турецкого языка):

Мин табалары сит+эр+им(прин. 1 л.) көстөн турара [10, с. 401]. 'Было очевидно, что я достигну оленей' (букв. '**мое настигание** оленей очевидно было').

Бар+ар+ым(прин. 1 л.) чугаһаата [10, с. 401]. 'Скоро мне уходить' (досл. '**мой уход** приблизился').

Мин тапт+ыыр+ым(прин. 1 л.) суох [10, с. 403]. '**Того, что я люблю** нет'.

Так как примеры взяты не из речи информанта, а из монографии по якутскому языку XIX в., то многие из них невозможно буквально перевести на турецкий язык. Современный турецкий язык в эволюции довел морфологическую технику до такого состояния, при котором благодаря новым развившимся грамматическим средствам смысл высказывания обычно выражается максимально точно, поэтому многие предложения якутского языка представляются современному носителю турецкого языка семантически размытыми и непереводаемыми без привлечения дополнительных морфологических или лексических средств. Таким образом, в связи с введением четкой специализации в турецком языке в области употребления глагольных имен адекватный перевод приведенных якутских примеров возможен только при условии использования других средств. Тем не менее многие *аналогичные* смыслы могли бы быть выражены в турецком языке посредством САФ.

2) в роли подлежащего (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Балдь+ар(1) сүт+эр(2) эйиэхэ тиибэтин [10, с. 401]. 'Пусть тебя не коснутся **болезни**' (букв. '**болевание**(1) и **лишение**(2)').

Дьукаахтаһ+ар үчүгэйэ чахчы [12, с. 29]. '**Совместное житье** несомненно лучше' (букв. '**проживание совместно с кем-то**').

Кэпсэтэрдэгэр оҥор+ор ордук [10, с. 402]. 'Делать лучше, чем говорить'. Ср. турец.: **Yap+mak** konuşmaktan iyi.

3) в субстантивной функции в роли приименного определения в изафетной конструкции (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Мин кинини үөрд+эр+им(прин. 1 л.) ортотугар [10, с. 401]. 'В то время, как я его обрадовал' (букв. 'в середине моего **«обрадования»** его').

4) в субстантивной функции в роли дополнения (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Кинилэр сан+ыыр+га(дат. п.) үөрэххэ сыстыахтара [10, с. 401]. 'Они начнут (примкнут) думать и учиться' (букв. 'их примыкание к **«думанию»** и обучению'). Ср. турец.: Onlar **düşün+me+ye**(дат. п) ve **oğren+me+ye**(дат. п.) başlayacaklar. 'Они начнут думать и учиться'.

Бу ыт утуй+ар+ы(вин. п.) таптыыр. [10, с. 401]. 'Эта собака любит спать'. Ср. турец.: Көрөк **ууу+та+уу**(вин. п) seviyor. 'Собака любит спать'.

Ат ыһырдан+ар+ын(прин. + вин. п.) көсүтэр [10, с. 401]. 'Он ждет, чтобы коня оседлал' (досл. 'он ждет **«заседлывания»** коня').

5) в субстантивной функции в роли дополнения (функционально тождественна САФ турецкого языка):

Тур+ар+га(дат. п.) кини баар этэ [10, с. 401]. '**При вставании** он присутствовал'.

Мин саха тылын бил+эр+бин(прин.1 л., вин. п.) истибитэ [10, с.401]. 'Он услышал о том, что я знаю якутский язык' (букв. 'он услышал о моем знании якутского языка'). В этом случае возможен аналогичный турецкий вариант: Yakutça bildiğimi duydum. 'Он услышал о том, что я знаю якутский язык'.

Мысль о возможном сравнительном анализе якутского языка с турецким возникла у автора из ощущения определенной близости грамматических систем этих языков. В результате автору удалось прийти к некоторым выводам, которые пока носят чисто умозрительный характер. Между тем в современном тюркском языкознании существуют проблемы, которые, как представляется, нерешаемы в условиях имеющихся научных парадигм, вследствие чего исследователь, очевидно, вынужден выходить за общепризнанные рамки и искать новые пути для их решения.

Одним из таких новаторских путей можно признать концепцию Г. П. Мельникова, который предложил подходить к тюркским языкам с позиций системной лингвистики [13, с. 104–113]. По мнению ученого, все явления языка обусловлены коммуникативными запросами, которые определяют функцию любого элемента языковой системы. На основании концепции Г. П. Мельникова можно предположить, что условия коммуникации (речевой деятельности) у древних тюрков позволяли часть смысловой информации (прежде всего служебной) не выражать специальными морфологическими средствами. Коммуниканты, опираясь на свои фоновые знания или весь контекст сообщения, сами в момент речи додумывали то, что не было выражено с помощью грамматики [14, с. 338]. То есть носитель языка мог не использовать в речи какие-то морфологические показатели или служебные слова, если тех средств, которые были уже использованы во фразе, было достаточно для того, чтобы полностью передать желаемый смысл. Именно такая постоянная экономия служебных средств языка, по мнению Г. П. Мельникова, стала определяющей тенденцией для устройства любого тюркского языка [15].

Стремление к экономии служебных средств отразилось, видимо, не только в сфере факультативного использования в речи тех или иных аффиксов, но и на самом инвентаре языка (составе морфем). То есть тенденцию к экономии можно увидеть и в том, что язык стремится обходиться относительно небольшим количеством морфем, каждая из которых, будучи полифункциональной, в речи передает весьма широкий диапазон близких и далеких смыслов. Другими словами, конкретный смысл каждой такой формы может быть разным и интерпретируется благодаря таким факторам, как речевое окружение, порядок слов в высказывании, общий контекст, фоновые знания коммуникантов и т. д. Это обстоятельство позволяло носителю древних тюркских языков обходиться в речи меньшим количеством аффиксов, при этом весь необходимый смысл всегда мог быть выражен полностью этим крайне небольшим репертуаром морфем. Таким образом, каждая словоизменительная форма в диахронии гипотетически должна была быть полифункциональной, а ее языковое значение, следовательно, очень общим, размытым.

Гипотеза Г. П. Мельникова находит подтверждение в разных тюркских языках, однако принцип экономии служебных элементов, который Г. П. Мельников назвал *детерминантой* тюркских языков, ярче и последовательнее всего проявляет себя в древних языках, а также в якутском языке, так как его грамматический строй сохранил архаичные черты. Предыдущие исследования автора настоящей статьи показали правомерность многих утверждений Г. П. Мельникова касательно языка рунических памятников [16–19].

Тенденция к экономному употреблению аффиксов приводит к факультативному использованию тех или иных морфологических показателей в речи³. Однако, по нашему мнению, принцип экономного использования служебных элементов в разных тюркских языках может подвергаться некоторым изменениям и иметь некоторые вариации. Эти вариации зависят от тех изменений, которые происходят внутри коммуникативной общности и обусловлены либо течением времени (хронологический аспект), либо усложнением самой цивилизации и условий жизни (качественный аспект). И несмотря на то что экономное употребление аффиксов в силу этих изменений во многих современных тюркских письменных литературных языках сводится к минимуму, оно сохраняется в большей степени в обыденном, разговорном языке.

Кроме того, как было сказано выше, в разных тюркских языках наступает момент (в силу качественного изменения общества), когда полифункциональность той или иной формы перестает удовлетворять языковую систему. Система пытается выйти из этого «неудобного» положения путем разбиения значения громоздкой формы на части (отдельные смыслы) и закрепления этих уже отпочковавшихся смыслов за *новыми грамматическими средствами*. Другими словами, изменение условий, в которых производится коммуникация, влечет за собой преобразования какого-то фрагмента языковой системы. Большая часть таких преобразований обусловлена стремлением *сделать значение какой-либо определенной формы более точным и конкретным*, дабы избежать непонимания.

На диахронической шкале развития тюркских языков якутский язык (особенно исследованный О. Н. Бётлингом язык XIX в.) занимает, очевидно, одно из начальных положений. Якутский язык можно уподобить стартовой позиции, с которой могло бы начаться диахроническое изменение, турецкому языку на этой шкале отводится конечное положение, к которому это изменение привело.

В якутском языке формы типа -ар, как показывает материал, могут выполнять разные функции в речи: выступать в качестве подлежащего, определения, дополнения и разных обстоятельств. Бесспорно, синтаксическая функция этих форм определяется тем мыслительным содержанием, которое данная форма должна в конкретном случае передать. В основе подобного положения лежит неясное с точки зрения индоевропейца языковое значение этой формы. Однако в качестве возможного объяснения такой способности формы может быть принято то, о котором речь шла выше: в языке под влиянием *принципа экономии* возникает форма с диффузным, размытым, нечетким значением, которое заключается в том, что форма преобразовывает значение глагола в «неглагол». Другими словами, значение формы -ар в том, чтобы из исходного действия сделать «недействие» (т. е. в зависимости от конкретной ситуации наделить действие характеристиками либо предмета, либо признака). Такую форму удобнее всего воспринимать в качестве общего глагольного имени (т. е. это не причастие, не САФ и не имя действия, а все в одном)

Таким образом, в процессе исследования автору удалось прийти к следующим видам:

1. С одной стороны, субстантивно-адъективные формы (САФ) являются теми формами, которые в тюркских языках исторически предшествовали причастиям и масдарам и из которых впоследствии, по всей видимости, причастия и масдары выросли.

³ Подробнее о факультативности в тюркских языках см.: [20, 21].

2. С другой стороны, САФ — это современные формы, которые в синхронии являются продуктивными и «работают» в языке наряду с имеющимися причастиями и масдарами.

Следовательно, в этом вопросе необходимо различать два уровня — диахронический и синхронический. С точки зрения диахронии САФ стоят, на наш взгляд, в начале развития в качестве некоей *общей, многофункциональной формы*, а с точки зрения синхронии САФ — это одна из форм, входящая на сегодняшний момент в *категорию номинализации действия* и имеющая свое функциональное поле.

Сокращения

Прин. 1 л.	— показатель принадлежности 1 л. ед. ч. «мой»
Прин. 1 л. мн. ч.	— показатель принадлежности 1 л. мн. ч. «наш»
Дат. п.	— показатель дательного падежа
Вин. п.	— показатель винительного падежа
Букв.	— буквально
Ср.	— сравни
Турец.	— турецкий язык

Литература

1. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII–XI вв.). Л.: Наука, 1981. 234 с.
2. Маматов М. Ш. К вопросу о категории номинализации действия // Советская тюркология. Баку, 1988. № 5. С. 41–52.
3. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 56–64.
4. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 165 с.
5. Гузев В. Г. Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 21. СПб., 1999. С. 29–36.
6. Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 227 с.
7. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979. 275 с.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
9. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
10. Бётлингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1989. 645 с.
11. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I: Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.
12. Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 244 с.
13. Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1969. С. 104–113.
14. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

15. Мельников Г.П. [Рецензия] // Вопросы Языкознания. 1966. № 5. С. 130. Рец. на кн.: Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования). М.: Наука, 1965. 142 с.

16. Губайдуллина М.Э. К вопросу о значении так называемого инструментального падежа // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.И. Цинциус. (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 88–99.

17. Губайдуллина М.Э. О многофункциональности морфологических единиц (на примере формы -ун) как следствии особенности строя тюркских языков // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.И. Цинциус. (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 100–107.

18. Дубровина М.Э. Возможные причины взаимозаменяемости форм дательного (-ка) и местно-исходного (-da) падежей в текстах рунических памятников // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 2. (Ч. II). 2008. С. 274–278.

19. Дубровина М.Э. К вопросу об эволюции тюркской категории склонения (по материалам языка древнетюркских рунических памятников) // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций: XXV Международная конференция: источниковедение и историография стран Азии и Африки. (22–24 апреля 2009 г.): тезисы докладов / отв. ред. Н.Н.Дьяков. СПб., 2009. С. 373–374.

20. Гузев В.Г. О функциональных особенностях родительного и винительного падежей в староанатолийско-тюркском языке // Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 8–12.

21. Дубровина М.Э. К вопросу о коммуникативных функциях так называемых «грамматических» падежей (основной, винительный, родительный) в тюркских языках // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: II Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 5–7 апреля 2006 г.: доклады и материалы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 124–133.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2012 г.